

18+

Алмаз Браев

КУХАРКИ
ДЕТИ
ИЛИ

ПОДЛЫЕ
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Алмаз Браев
**Кухаркины дети. Или подлые
революционеры. Социализму**

<https://litres.ru/72257854>

ISBN 9785006761599

Аннотация

Об этой причине не знали ни Маркс, ни Ленин, ни Троцкий — классики левого движения. Потому догма диктатура пролетариата была извращена до предела. Чтобы стать интеллектуалом или интеллигентом нужен рост. Через диктатуру пролетариата, просто через популизм можно было стать чиновником, чтобы иметь блага. Итак, чтобы быть лидером, требуется саморазвитие. Реальными же героями русской революции были революционные интеллигенты, а не пролетариат. Пролетариат прошел стадию эволюции.

Содержание

Глава 1	5
Обращение к людям	5
Глава 2	12
Символизм рулит	12
Глава 3	17
Стокгольмский синдром	17
Глава 4	22
Сакская каша	22
Глава 5	29
Сначала один, потом много	29
Глава 6	37
Нужно знать левое и правое	37
Глава 7	43
Националисты проиграют	43
Глава 8	50
Талантливые люди всегда беспокойные	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кухаркины дети. Или подлые революционеры Социализму

Алмаз Браев

© Алмаз Браев, 2026

ISBN 978-5-0067-6159-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Обращение к людям

Обращение к массе. Хотя это обращение будет всегда проклятием революционеров.

Революционеры знали, за что их казнят современники, но и не знали, что самым опасным палачом левого движения будет будущее.

Как это случилось, скоро узнаете

Духовный застой, инерция, традиция вызывают сопротивление.

На вызов бездуховности рано — поздно появляется пророки, или даже группа.

Революционеров почти две тысячи лет называли еретиками, а не революционерами. Значит, что то было не так в официальной системе (или в официальной церкви). В такие моменты сама система, традиция, обряды сообщали открыто, почти нагло — систему необходимо менять. Такую систему обозначали местом средоточения главного фарисейства, — что верить этим людям нельзя. Вот тогда то и появляются пророки, они же штучные протестанты. Они чувствовали первыми отклонения. (Вот потому революционеров раньше не было. Были когнитивные отщепенцы против застоя)

Но обращались эти изгои именно к толпе.

Как же так?

Быть ближе, иметь возможность стать частью системы, но обращаться к низам?

Проявляется вторая черта леваков — обращение к массе, к низам, к самому народу.

(В тот момент никто из еретиков не знал конечно, что умрет. Что обращались они за своей смертью. Цель данной книги как раз показать механизм самообмана, смертельную целевую разницу)

Ибо именно в массе, в самом народе живет система, она же официальная любовь, — к инерции, к традиции, к порядку. Самые уважаемые люди, отцы народа, нации обрамляют систему.

Система есть система — порядок любит порядок.

Эти люди кто?

Конечно фарисеи -первосвященники, правители, аристократы, их обслуга: чиновники, философы -поэты, воины. Элита одним словом.

Оттого имущая элита, эта правая сторона мира всегда поддерживала иерархию собственности, материальную иерархию, — надменное лицо и богатое платье.

Но и еретики, пророки — революционеры (то есть уже левая сторона) обращаясь к толпе, поддерживали структуру (хотя левая иерархия всегда по вере и по таланту, а правая всегда — это материальный ценз, представленный золотой

лестницей).

В массе, в подлом народе живет вековая мечта, когда то разбогатеть. Потому он, как бы, поддерживает систему, ведь не может же каждый консервативный мечтатель ломать лестницу. В мечте разбогатеть, стать уважаемым человеком и живет сам консервативный смысл. Массы любят инерцию, как воображаемую лестницу, это если выразить коротко. Каждый подлый человек, будущий мещанин стоит на самом дне — хочет разбогатеть (уже 5000 лет), пролезть наверх — взлететь. (Хочет ли он сам махать плеткой, как раб, желающий иметь рабов, сразу не понятно. Не известно пока. Чем выше поднимается обезьяна, тем отчетливее ее зад. Ствол революционного дерева не выдержал бы столько задниц одновременно. Обыватель же желает хвастать своим золотым унитазом, как минимум до сих пор. И все мещане планеты Земля показывают друг другу унитазы с одинаковым упоением и вечным неудовлетворением. Все равно чего то не хватает).

«Когда Адам копал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?»

Пророки, а следом и революционеры указали сразу на механизм своей солидарности с подлыми массами, — на эксплуатацию. На эксплуатацию они намекали все время, но указали только в 17 веке (а в научном коммунизме показали официально).

Сначала они говорили о справедливости издалека (в кон-

сервативном обществе справедливости не может быть из-за иерархии). Мы, мол — за справедливость. Мы, рождаемся равными, мол, рождаемся одинаковыми, — откуда же все остальное?

Люди с древности приучены к порядку и, конечно, к иерархии, как части гарантированного спокойствия (это качество можно изобразить — будешь смирным, будешь сосать сиську у двух маток одновременно). Потому экономическую эксплуатацию они не разделяли с моральным подчинением старшим.

Лишь когда эксплуатация обрела промышленные масштабы, она была названа эксплуатацией. И механизм солидарности пророков — революционеров с толпой пролетариев стал очевиден. Революционеры — пророки сошлись с «гоями» на эксплуатации. При этом революционеры искали по идее новые таланты, а гои подразумевали выгоду (одним словом новый тоталитарный режим сидит в самих гоях генетически в виде любви к иерархии)

Правые политики же (они же элитарии) рассматривал эксплуатацию продолжением доминирования. Как всегда. Во все времена без исключения.

Против правых у штучный леваков не было никаких шансов.

Чтобы массы откликнулись на обращение пророков, ситуация должна разговаривать на понятном языке, — на языке голода. Любой не рядовой кризис находит отзывчивость

толпы, как и любой призыв к бунту.

Союзник леваков среди зерефов — гоев — это их желудки (и желудки их близких). Именно с желудками они вели беседы и вели агитацию желудкам. «Сытое брюхо к учению глухо», или что то вроде этого: сытое брюхо не желает новой справедливости.

Хотя революция — это не бунт. Революция — это левая иерархия.

И «желудки» начинают это понимать, все лучше и лучше.

Пророки идут первыми, обличителями бездуховности по праву. Толпа за ними следует вместе с желудками как огромный бык за лилипутом.

Как только толпа придет во дворец, всегда есть опасность, что она снова почувствуют себя частью системы. (Все бычки желудки прошлого обязательно находили в платьях свергнутых господ, — пьяными, в лужах собственной блевотины). Потому революционеры обязаны быть жестокими (как быков бьют плетью)

Чтобы толпа не стояла на краю, перед новой золотой лестницей, — да, революционеры должны находится рядом.

Как только революционеров толкнут, когда первый же желудок подойдет и будет щупать курку революционера за рукав, за этой панибратской выходкой, за первым же толчком обнаружится вероятная иерархия — новый бездуховный строй, почти старая церковь с обрядами, но одухотворенная жертвами желудков. Пастухи (так мы их назвали с самого на-

чала) создадут обязательный культ из уничтоженных революционеров. Главный же пастух из погибшего пророка создаст культ, даже соорудит ему зиккурат на площади. Это значит: «это не я, это он законный наследник нового мира». Прикрываясь культом пророка, тем самым он сам себе создаст культ, сначала втихаря, потом все более откровенно — «это не он уже, а я».

Пастух знает, что делает.

Сначала убирают свидетелей, оставляют приближенных.

Новый культ пастуха может заиграть всеми красками новой системы, новой церкви. При этом все талантливые, они же умные будут отсекаются от системы пастухов, которую будут называть «народной властью».

Путевку получают только дети пастухов (дети кухарок).

Весь народ получит свои куски и путевки, от этого вдохновения сам вдохновится. Всем остальным, которые чуть засомневаются в новой церкви, в новой системе будет возможность сочинять песни, гимны, рисовать картины, в том числе художественные — «Это наша, народная власть». «Я другой страны не знаю в мире»

Культ главного пастуха будут развивать уже не свидетели превращения, а второе поколение после революции.

Даже в третьем найдутся ярые фанатики «сильного государства», как продолжения имперской линии. С пеной у рта доказывающих, что заговоры против прошлого лидера были, были, были. Все второе пост революционное поколение бу-

дет это говорить, потому что все жизнь в этом жило, — это от страха смотреть в зеркало.

Они не признают, что всех умников просто уничтожали.

Чтобы не появились новые пророки. Чтобы не было революционеров против новой затхлой системы, — против новой церкви. Потому что любая революция умирает, как и церковь — это очевидно.

От веры остаются лишь обряды, а людей отбирают не по талантам, а по услугам.

С того момента можно говорить, система привлекала худших и портила лучших.

Революционеры подлыми не бывают.

Глава 2

Символизм рулит

*«Не верь, кто кричит громко -много уряя, уряя.
Больше всех кричит держи вора...»*

Дональд Трамп провел парад в честь 250 -летия армии США (одновременно и своего 79 -летия, просто так совпало).

После юбилейного Парада Победы в России в честь 80 -летия победы над гитлеровской Германией на Красной площади американских воины, шедшие и салютовавшие своему лидеру, напоминали не юбиляров, а военнопленных.

Для людей, видевших советские парады, тем более служивших, американское шествие было насмешкой. Или еще хуже — цирком.

Для кого как.

Для меня же это прохождение было находкой

Более наглядной подсказки, почему люди Востока бегут на Запад, просто не найти.

Парадное шествие на минималках напряжения. Воины идут почти, как хотят, только держат ряд и строй: можно в ногу, можно не в ногу. Но все таки старались идти в ногу.

Но это не важно.

Восточный мир, восточное общество, которое всегда связывают с такой же деспотией — это вышколенная армия. Это не обязательно молодые военнообязанные мужики. В неформальный строй попадают женщины, старики и дети. Детей с детства приучают слушаться родителей, а женщин подчиняться мужчинам.

В конце концов, женщины на Западе не рожают, потому что в родах нет главной эмоции свободы — кайфа (у меня даже есть статья, почему освобожденные цивилизацией женщины не рожают. Если хотите получить новых солдат, не учите женщин наукам, разучите женщин думать вообще. Подкуп женщин ничего не даст. Пропагандируйте не кайф, а любовь. Меньше гоняйтесь за золотыми унитазами. Это я правителям говорю. Если в правительстве бывшие деревенские или советские мещане, то есть из неблагополучных семей, они все равно за золотые унитаза. И чтобы показать золотые унитаза. А борьба «за роды» — это побочные заботы «для вида» из-за должности)

На Запад бежали, оттого что восточная деспотия — это только шапка общей культуры, пик, завершение миллиона, миллиарда невидимых мыслей, философии жизни.

Каждый восточный человек — это мини диктатор, которого не видно на вершине, но он там есть.

В общине структурированная, четкая иерархия. Если ты с детства пригвожден прозвищем родителей, кличкой двора,

недоверием мира, тебе никуда не деться. Сын слесаря будет слесарем. И это было правильно. Социалисты пытались с этим бороться, но и себе думали (сталинская сельская фракция. Зюганов о коммунизме думает под иконами?). Я сам по молодости был демократом, против партократов. Потому что партократы только себе, в Москву, в семью и домой везли — для витрины, а их дети учились в МИМО. Ну, чем не кастовое общество?

Затем, все эти иноагенты сразу предавать бросились Родину, где они бабки гребли лопатой. Они все идейные? Нет же. Пока была демократия, то есть временное нарушение строя, они могли делать деньги, на эти деньги купили недвижимость там. Олигархи тоже бы предали. Но в России у них «Клондайк, Эльдorado, здесь у них лежбище», как говорил Глеб Жеглов.

При восточной деспотии, будь то монархия православие, или сталинский, даже брежневский социализм, все удовольствия в ограниченных пределах. Все удовольствия при этом стратифицированы: каждый получает по чину.

Всякие так певцы, певуны, юмористы, художники, музыканты, композиторы, писатели — это восточный неформат. Творческие люди — юродивые вообще, не от мира сего (на ВК у меня был спор Там оппонент сказал, что у русских нет слов отчуждения, оно из немецкой культуры, оттого Маркс, затем Ленин, значит и Троцкий — чужие для русских)

Вот оттого и бегут не от мира сего люди. Не от мира, зна-

чит не от общины. Община рулит, корректирует и дозирует кайф.

Не от мира сего бежали на запад, а европейцы еще дальше, через океан — в Америку.

Эти люди бежали от душной общины, от лицемерной родни, от завистливых соседей.

Община ориентируется только на средний показатели. При этом сохраняет, соблюдает касты, поддерживает очередь за подачками. (Никто не хочет стоять в унижительной очереди!)

Оттого в СССР мало приживался сверх чувствительный, одаренный и умный отличник, а в царской России поэт и вольнодумец — нигилист. Всякий советский отличник — это обязательный либерал, затем диссидент, затем вероятный иноагент. А в царской России — декабрист, разночинец, народник, брат Карамазовых.

Главный козырь общины — средний человек, грубый, ленивый троечник. Подобный человек будет всегда за диктатуру, за порядок, «за Сталина».

Во время опасности так и должно быть. Бесспорно.

Однако это всегда создает бегство умов и ограниченное творчество. Что сказывается в отставании не только в моде, но и в технологиях. На уровне — исключительно военные машины.

Зачем нужны эти школьные отметки, если их обладатели пойдут на дно, если не научатся жизни. Если научатся, бе-

гут, — показало будущее.

Нужно делать сразу набор в опричнину, черную сотню, партократию — номенклатуру. Никаких школ и институтов.

Сразу известно — понятно, кто туда попадет не за знания, а за умения угодить.

И спорить не приветствуется, инициатива наказуема, все не те мысли крамольные.

И да. Все детки партноменклатуры живут на Западе.

И детки чиновников.

Глава 3

Стокгольмский синдром

За несколько лет нахождения в соцсетях понял современных людей. Почему-то им кажется, что я указываю на их ничтожество. Особенно когдаставляю свои книги.

Сначала не любят именно мои книги. Потом меня. (Немудрено: все посетители социальных сетей — писатели. Такого феномена массового самолюбия еще не было никогда. Мне приходится появляться в кадре, чтобы разъяснить ситуацию. Нет лучшего лекарства, чем испытанное на себе. Самолюбие — это не яд, но именно самолюбие отравляет человеческую историю. Все политики современности, например, — продукты ядовитого самолюбия. Люди думают: «Путь этот фрик будет политиком. Я все равно лучше»).

А ведь эта реакция болезненного самолюбия легко считывается и управляется. Раз уж я назвал социальные сети в виде средоточения современного самолюбия, прежде чем оно проявится официально — в публичной политике. Людей в сетях хвалят по методу Карнеги. (А у кого научился сам Дейл Карнеги? Просветитель Шарль Фурье, к примеру, был единственным сыном у своего отца — торговца колониальным товаром из Индии. Из своего детства он с отвраще-

нием вспоминал улыбку на лице своего отца, когда тот расхваливал продаваемый клиенту товар. И как угодливое лицо становилось серьезным, когда за покупателем закрывалась дверь).

Итак, что людей надо хвалить как товар, знает любой продавец. Потому сама система называет всех людей личностями (а не только команда obsługi социальных сетей, собранная олигархом)

Кому то покажется, «личность» — это атрибут сытого Запада.

Но и в традиционном мире, где все хотят быть выше других или хотя бы обеспеченнее рядом живущего соседа — по культуре и генетике: этим, как раз создается резонанс тотальной болезни.

В Евразии, Азии, Африке, даже когда то и в Южной Америке всегда происходил отбор лабильного и некачественного человеческого материала.

Ибо консервативное общество — это почти армия. Наверх отбирали самых тихих, услужливых, исполнительных, не творческих, можно сказать просто тупых. А тут (в социальных сетях) идет нахваливание скрытой армии, сотрудники соц сетей нахваливают посетителей, что дает просто взрыв вывернутых эгоизмов и обид (ведь современные люди одиноки как никогда). Именно социальные сети показывают, как отбиралась элита в традиционном мире во все века — из-за зависти, самолюбия, мести.

Но сначала это касалось только элиты. Пока не было демократии в элиту отбирали в качестве obsługi воли вышестоящих.

Теперь роль элиты исполняет «свободная» масса личностей. И сама же эта масса загоняет себя в карантин. Вы это понимаете? Сама эта масса желает получать вакцину. Сама. Масса так называемых свободных «личностей» сама идет на вакцинирование, сама движется в сторону стационаров, сама собой довольная, что будут жить больше всех.

Во-первых, эти массы очень любят себя — не так ли? Хотя бы из-за постоянной рекламы любить себя: из-за постоянной рекламы любить себя и покупать товары, они любят себя, только себя. Любить себя — это мода такая. Если у них есть хоть капля сомнения, а капля сомнения все таки есть, потому что фон смертельной пандемии не приятен был сам по себе: они захотели отомстить, хоть кому — за ложь и унижения.

Они и до этого мстили, по возможности, своим хайпующим политикам.

Я уже сказал, почему почти вся Европа из-за этого управляется странными людьми. Потому что эти люди продолжают шоу и греют самолюбие избирателей, хотят нравиться. Избиратели видят их старательность, услужливость, — берут как их унижения (как рекламу товара отца Шарля Фурье в конце 18 века). Вот как товар, они и превращаются в знаковых политических лидеров — клоунов..

И избиратели сознательно «покупают», причем самый некачественный товар руководителей — из-за самолюбия. Вот она — маленькая месть, создающая большой дурдом.

Они выбирали политиков за явную внешне выраженную глупость, за какой-нибудь незаметный ущерб, изъян, то есть за дурость. В минуту выбора они думают: «Он дурак, она шлюха». За секунду до восторга и интуитивного же отвращения они думают: «Ах, какие они милые клоуны».

Но все также знают: любая «дура» — отыграется за свои уже унижения: за трату тонкой энергии на ложь, за хайп, за искусство Карнеги. Да, эти «дураки» и «дуры» будут править как настоящие азиатские, но скрытные и подлые диктаторы. На прошлой работе много не заработаешь. Ведь власть дает больше зарплаты гинеколога в разы.

Вот так зависть и месть одного самолюбия встречается с завистью и мезтью оппонентов в пункте вакцинации. И никто же не удивляется — откуда у жертв мировой аферы такая солидарность с палачами.

Эти жертвы сделали бы тоже самое — послали бы всех делать инъекции, чтобы заработать кучу денег (то есть, если была бы возможность сорвать куш). Это есть современный либеральный фашизм. Но никто не желает этого замечать. Униженные никогда не восстанут против палачей. Они будут травить только тех, кто не ходит на такие выборы. Кто не голосовал и разоблачает будущих палачей. Сами понимаете, на таких демократических выборах умных не выбирают. На

таких выборах трезвых людей презирают. Они не знают, что это такое. Потенциальные брахманы давно опрокинуты на самое дно ревностью, завистью, недоброжелательством. Ведь масса личностей — это номинальная элита покупателей.

Итак, все жертвы демократии — это потенциальные пала-
чи своих же друзей дружно поют одну песню. Почему?

Потому что они любят деньги. Короче говоря, они любят хозяина. Это особое чувство. Оно угадывается несколькими словами, буквально пустыми словами, что то там про терпимость и свободу с улыбочкой. Эту систему, этих людей, эту массу уже не победить разоблачениями, раскрытие тотальных европейских афер. Эта масса работает пропагандистами, репортерами, судьями и прокурорами. Если судьи и прокуроры будут судить больших чиновников Европы или Америки, они сами будут безработными через пять минут.

Глава 4

Сакская каша

В основе имперского импульса едва различимая причина — беда дикаря. Не от хорошей жизни все эти гиксосы, народы моря, кочевники Великого переселения, тюркская волна с Алтая, кипчакская, затем арабская конница, монгольская переформатировали действующий тот мир, — от нестабильного хозяйства. Да, все кочевники жили на вулкане климатического произвола. Сама природа вынуждала и так жить, потом нападать. Примитивная техника отразилась в примитивном восстановлении справедливости. Нападая на сытых соседей. Нападение было справедливостью, не ставшей пока идеологией. Это пока. Нападение или агрессия не могли быть идеологией — это были лишь дикарские орды, организованные для грабежа.

Идеология появилась позднее. Когда, как раз, и появились первые чиновники. Они рассмотрели в поведении наконецника общей стабильности не только запасы орды — союза кланов, но и свою выгоду. Чтобы не повторять ошибок в расчетах, нужно все изучить. Идеология стала побочным продуктом данного подсчета (запасов).

Навскидку. Чтобы состоялась империя Ахеменидов, ро-

дился Зороастр: он появился, когда на переходе от тактики дикарей — напал — ограбил — съел. К тому времени уже научились считать запасы, чтобы зря не ходить, ибо любое нападение — затратное.

Теперь поближе. Чтобы Наполеон пошел на Россию, французские энциклопедисты уже представили тезисы. Свобода — равенство -братство. Как видится, в нападении всегда есть что то дикарское — от первобытного мира, ибо в основе агрессии всегда лежит вся та же дикарская проблема. Но дикарское всегда превращается в культурное, когда на в дикарском следе наследили уже обутые в туфли люди — это Вольтер, Руссо, Монтескье. Именно энциклопедисты были аристотелями Наполеона. Если бы он пришел с одним лишь лозунгом «Обогащайтесь», никто бы за ним не пошел, никто не боготворил, даже молодой Гегель, который специально посетил Берлин, чтобы восхитится Наполеоном. Ну, а Гитлера кто вдохновил? Хаусхофер или Маккиндер? Или все таки Ницше?

Да все вместе. Ну, а Ленина и Троцкого? Конечно Карл Маркс.

А Маркса кто? Конечно Гегель.

Никогда немецкий юнкер и лавочник не шагали бы по улице маршем. Только вдохновленные своими аристотелями. Аристотель нужен, овен нужен для империи. Тоже самое касается пролетариев.

Без новой справедливости, теперь даже для праведности

очередных кочевников не было барьеров. А ведь это те же кочевники — не сомневайтесь даже. Ведь в мировой революции есть гены гиксосов, гуннов, тюрков, арабов. Но это пока никто не видит. Потому что не разделяет две части имперского механизма — зерефную воинов и ремидную номенклатуры.

Но кто же помешал новым кочевникам снова перестроить мир?

Нет, не поверите! Те самые чиновники, о которых мечтали первые вожди, задолго до Чингисхана, тем более Сталина-Мао. Только эти чиновники сильно обленились из-за цивилизации. Дети детей, правнуки правнуков, — потомство первых мытарей стало играть за сытость и стабильность — за экономию энергии.

Более того. В сталинской номенклатуре вы не узнаете никого из имперских предателей. Хотя это явление одного порядка. Ибо никакой дикости более! Никаких атак и захватов соседей. Никакой мировой революции более. Будем защищаться. Используем тактику отступления саков. Создадим так физические потери — издержки себе и другим. В этой невидимой (и неозвученной пока) атаке «за стабильность» открывается вторая причина падения империи.

Кочевники должны атаковать перманентно.

В этом есть зерефная причина империи — вечная атака неистовых и голых варваров (где эта атака в армейской форме?).

Обслуживающий персонал, который должен был распределять ресурсы войны и мира, помимо того, что в лице выдающихся теоретиков создал идеологию, создал еще одну философию — стабильности. То есть стал работать только на мир. На себя. Миру мир!

Вы посмотрите на все советские вещи, на всю советскую продукцию. Чем эта продукция с вещами отличается от современной — рыночной? Они не ломаются сто лет. Вот она — вещевая материализация стабильности. О чем мечтают совки? О пенсионных, образовательных, лечебных гарантиях СССР, — о стабильности зеленой травы. Это кочевое на самом деле чувство. Хотя все оседлые давно забыли это чувство. Теперь посмотрите на Запад. На их элиту посмотрите. Они через одного юродивые. Юродивые не только в правительстве. Юродивые сидят во всех органах. Все юродивые улыбаются без причины. Это какой то мимический дресс код юродивых. Они заседают во всех комиссиях, жюри фондах — однотипные. Они уже выбирают нобелевских лауреатов откровенно больных на голову. Это другой тип стабильности. Вся рыночная продукция очень удобная и красивая, но очень ненадежная. У них нет (или почти нет) ничего серьезного. Они уже ядерную войну не понимают, что это больно.

Русский имперский политик Василий Шульгин (коллега Гучкова в царском вагоне, принимавший манифест отречения), жаловался року: «Ах -ах, почему был такой был слабый царь. Он (Николай 2) родился на ступенях трона, а не

для трона».

Мы же, совки, миллионным хором могли бы повторить: «Почему на посту последнего президента СССР была пародия?» Вы не находите? Ситуация один в один. На историческом повороте слабое лицо правителя. А почему? А кто это породил?

Заговор?

Нет, это не заговор.

Это продукция антиимперского вектора в виде стабильности. Все люди любят стабильность, не только чиновники. Люди хотят надежности, предсказуемого будущего. Тем более чиновники СССР проросли все со дна. Они хотели стабильности больше всех. Как же так? Разве Николая 2 выбирали крестьяне? Нет тут такой причины — народ ни при чем.

А кто тогда причем? Ведь сходство первых лиц на историческом повороте поразительное.

ПС. Кстати, на одном ресурсе я писал, почему нет новых маршалов тухачевских. Ярких людей нет в такие периоды «стабильности» из-за инерции. Эта инерция готовит плохую сакскую кашу.

Глоссарий:

Зереф — традиционный человек с жестко поставленными социальными поступками, рефлексия низкая почти zero, отсюда и слово зереф — рефлексия zero (zeref.). Не имеет полутонов, служит идолам рода, общается в кругу родной крови. Оттого что не имеет полутонов восприятия, катего-

ричен, непримирим, враждебен к чужому.

Зерефная петля — беби бум, перегрев локального народонаселения. Народ принуждает вождя, диктатора, правительство к действиям.

Зерот (ы) — феодальная элита.

Зеротная петля — создание зеротами кастового жестко сословного общества. Зероты заинтересованы править вечно, передают власть и наследство своим детям. Создается закрытое общество. Из-за прекращения социальных лифтов возникает революционная ситуация.

Зереמיד — человек первого поколения традиционной элиты (или города, свежий горожанин), имеет наполовину жесткие социальные рефлекс обычая, также комплексы неполноценности, которые желает прикрыть, поэтому придумывает себе новую родословную, создает благородный корень и от этого имеет самый причудливый «хвост» за спиной. Если это современный зеремид, это это как правило, бывший сельский житель, освоивший поверхностно культуру городской жизни, он наполовину городской и наполовину сельский.

Зефа — человек из первого поколения города с наклонностями в сторону рынка и спекуляции, причем торговать, хоть чем, его вынудили обстоятельства.

Зеремидная петля — лицемерие, фарисейство, фанатизм, подстраивание маргинальных слоев под существующую идею и порядок. Когда в элите организации от религи-

озных до правительств накапливаются зеремиды, происходит застой и кризис. Крах идеи и системы из-за конформизма зеремидов неизбежен. Они подстраиваются под систему с единственной целью — содержать свою семью. То есть они делают тоже самое, что и зерефы, но для этого хотят попасть в элиту, в привилегированный слой или государственную систему, они быстро учатся, осваивают новые навыки и подражают формальным эталонам идеи и ответственности.

Ремид — традиционная элита, правители, чиновники, авторитеты, учителя; ремида ставят поступки зерефам, определяют мораль, законы, политику, рефлексия средняя — middle (remiddle).

Ремидная петля — борьба элиты с самой яркой личностью, сговор вторых и третьих лиц против героя и пророка

Глава 5

Сначала один, потом много

Зачем выбирают слабого лидера. Чтобы случился переворот

Когда во дворец приходят разные группы — одни за республикой — демократией, другие за военной демократией — социализмом. Это не просто группы, это соответствующие кандидаты от разных слоев населения приходят.

Например, Николай 2 был слабым царем. Потому что он проиграл войну, империю, трон. Допустим, к нему пришли потенциально сильные руководители — так они о себе думали. Причем, к Новому времени к любому монарху приходят целые группы буржуазных периферийных хвастунов. Они не говорили друг другу свои планы. Они говорили о демократии, о власти свободных граждан. Чуть раньше они говорили бы открыто о своих притязаниях. Но времена изменились и в аристократию записались совершенно подлые богатые буржуа. Подлые буржуа принесли элементы равенства и демократии с собой, но даже самые смелые ораторы не могли проявиться сразу, а спрятали амбиции, потому что буржуа есть буржуа. Сначала они ждали отречения императора. Затем в парламенте появлялись фракции демократии. Затем появля-

лась правящая группировка от демократов. Затем появлялся вождь от демократов. Вот вам эволюция фашизма. Хотя демократы еще не знали, что за ними на хвосте плетется и военная демократия в лице фашистов.

Подлые люди никогда не говорят о превосходстве. Они знают, кто они. Их устраивала бы жизнь на дне.

Но правители не дают жить народу. Устраивают разборки друг с другом, феодальные войны, давят, усиливают эксплуатацию. Крестьяне никогда не решились бы бунтовать — сопротивляться. Им не хватило бы ресурсов просто собраться.

Но они собираются и берут в руки вилы.

Кто виноват?

Слабый правитель?

Война — главное условие революции

Дело в том, что главное условие для бунта или крипто военной демократии, когда не аристократия, узкий круг элиты, а более широкие слои, простонародье берет в руки ножи — это война. Да, да, или военные действия, приведшие к кризису.

К Николаю II сначала пришли от фракции октябристов и эсеров. То есть республиканцы, сторонники парламентского строя, как это всегда было в Европе. Это было начало реформ. Затем солдаты и матросы под руководством большевиков взяли телеграф, телефон и развели мосты в Петрограде.

Что мы тут видим?

Мы видим, что республиканским притязаниям скрытых диктаторов и хвастунов были противопоставлены солдаты и матросы — делегаты Советов (значит, речь сразу пошла о военной демократии и социализме).

Слабый правитель и народ без контроля

Никогда представители низших классов не имели такой наглости, как после мировой бойни. Чтобы к монарху слабому пришли люди совершенно подлые, нужно вывести ситуацию из под контроля. Сильный вождь всех прогонит, слабый заведет разговор.

Сам факт прихода к ставку делегации говорит о кризисе власти. О слабом правителе. Собственно, все слабые правители устраивают мировую битву и проигрывают. Потом ждут гостей.

Если бы монарх был силен, к нему пришли бы такие же аристократы и устроили переворот со словами «не ты, я мы сильные!»

Большой же кризис (или война) заставляет уже солдат и матросов окружать столицу. (Как сказал вождь китайских крестьян Мао «винтовка рождает власть». Но сначала уверенность

Перед военной демократией (перед социализмом) бывает серьезные боевые действия. При небольшом конфликте (как внешнем, так и внутреннем) в главные комнаты заходят аристократы (как пришли, например, к Петру III и Павлу заговорщики).

Итак. Правое и левое. Республика и военная демократия
Человечеству, людям много не надо.

Когда им плохо, они говорят только о равенстве. Все уни-
женные и условные рабы в истории мечтали о равенстве. Ни-
когда о превосходстве. О превосходстве грезили и грезят лю-
ди сытые, довольные собой. Стоит рабу, крестьянину, меща-
нину чуть разбогатеть, они тут же думают о превосходстве.
Это такой рок человечества. Когда плохо, думают о равен-
стве, когда хорошо, о превосходстве.

Мы сразу же рисуем политическую линейку.

С левой стороны располагаем всех рабов, крестьян, про-
летариев, даже мелких буржуа. А справа стороны рабовла-
дельцев, феодалов, олигархов и тд.

Стоит всем, находящимся слева чуть -чуть разбогатеть,
выйти из равенства, как они уже выстраивают — стараются
повторить старую иерархию, прошлые порядки.

Посмотрите на советскую номенклатуру.

Они все — деревенские парни — выходцы из хуторов, сел,
аулов.

Сначала они были никто. Но из-за большой войны случи-
лась революция. И они вступили в партию большевиков по
«Ленинскому набору» 1924 года.

Они были никто, но выделились и поднялись как «трудя-
щиеся».

То есть благодаря идеологии и заботе Сталина (особенно)
заимели привилегии, — потому что вышли из левой стороны

линейки. Новая элита.

Прошло всего 28 лет. Между 1917 и 1945 годом случилась революция, гражданская война, коллективизация, массовые репрессии. Но номенклатурщики за этот мирный отрезок успели посмотреть по сторонам — себя осознать. Бывшие «рабы» поняли свое превосходство над народом. Привилегии дали им подсказку.

Эти люди -«номенклатура», никогда не привели бы за собой народ якобы для социализма. Эти люди — эрзац свергнутой дворянской аристократии. Они могли только исподтишка. Они и делали все исподтишка (и будут делать). Говорили одно, думали о другом.

Итак, они подготовили себе смену — «комсомольцев» — реформаторов.

Советское общество не было социалистическим (что в бутафорском Верховном Совете сидели доярки с чабанами, это была показуха, — говорило о глумлении. Не было никакой военной демократии. В демократическом парламенте, то есть в республике, могут собрать также разных крашенных девиц и спортсменов разных времен и возрастов — ну и что?).

Николай II был слабым монархом не от того что проиграл войну.

В условный царский дворец, чтобы царя низложить, пришли сразу и буржуа, и солдаты с матросами, оттого что империя не знала большой войны (с 1812 года. Завоевание Кав-

каза, Крымская война, русско — турецкие разборки на Балканах — это все на периферии, на чужой почти территории).

Когда в общине нет конфликта, узкий круг выбирает самого слабого — это ремидный закон. Один за другим, выбор за выбором случилась отрицательная селекция в узком дворянском кругу. Аристократия всегда выбирает слабейшего из своих рядов, лучше всего «мальчика». (У всех народов мира так, не только в России выбирали мальчиков. Это вариант слабого лидера в самые ответственный момент, можно сказать на переломе эпох).

Почему на посту генсека СССР оказался такой вялый последний генсек?

Между 1945 и 1991 годом прошло 46 лет, почти два советских поколения проживало в атмосфере крипто республиканского строя — по факту разности номенклатуры и «народа». И, самое главное, по вариации будущего переворота и политической надстройки.

Если правители имеют консервативный народ.

Консервативный люди при любой системе, при любом строе, под разными названиями будут смотреть по сторонам, чтобы различаться. Иными словами, чтобы перебежать с левой части «правой — левой» линейки» равенства» в сторону превосходства. Они обязательно будут посматривать по сторонам — кто выше, кто ниже, необязательно по росту, хотя и это возможно для самоуспокоения. Когда отменяется имущественный ценз (из-за социализма) в ход идут зна-

ния и таланты (это в лучшем случае). Когда же появляется ценз неформально в виде привилегий новой партийной знати, весь пафос, все официальные звуки превращаются в голимую пропаганду. Молодежь или будущие реформаторы СССР это лицемерие впитали просто с молоком бюрократии (это комсомольцы 40-х, особенно 50- годов рождения. Этих больше всех заморозили и тут же разморозили на ниве реформ). Когда знания и таланты не нужны, то есть все видели, какие качества нужны для карьеры, тогда советская молодежь испытывала тоску на лекциях, но превосходство от джинсы и кроссовок, — от фирмы, просто от одежды.

Что делать. Зерефам нельзя расслабляться. Они должны либо воевать, либо молиться.

Если они этим не заняты, они думают — кто выше, кто ниже. Кого уважать, кому подчиняться. При долгом мире и достаточном богатстве, зерефы эволюционно превращаются в ремидов и даже рефагов (то есть создают парламентский строй).

Это не избавляет развитые цивилизации, что их лидеры не окажутся идиотами. Даже наоборот. Их лидеры на самом деле будут очень слабыми.

Но пока не будем говорить про них. У нас свои проблемы.

Глоссарий:

Зереф — человек, у которого нет полутонов. Либо черное, либо белое — посередине ничего нет. Категоричный такой, причем послушный, дисциплинированный индивид, со-

блюдающий традицию. Можно сказать человек рода- племени или рудимента простого сознания. Рефлексия зеро — зеро-реф.

Ремидная петля — сговор представителей элиты (реми-дов) против самого одаренного человека

Глава 6

Нужно знать левое и правое

Можно ли говорить, что падению империй (Российской империи и также СССР) способствует неравномерность капитализма. Что капитализм, рыночные отношения разрушили консервативную среду империи. Вполне.

Начнем с того, что вмешательство денег в культурную среду является катализатором социальных процессов. (Как если колоть анаболики для роста мышечной массы или засеивать семена с пестицидами — для хорошего урожая. Когда деньги запитываются в консервативную среду, они ускоряют эволюцию рефлексии. Зереп быстро становится репидом или даже репагом).

Чтобы понять, почему консервативная система разваливается, нужно знать «левое и правое».

Как действует капитал, рыночные софиты на людей на линейке левое -правое, — на традиционное население одним словом. Ведь есть левые, есть правые политики. Одни стоят за перемены, — левые. Другие хотят сохранить все как есть, — правые

Деньги — отравка гордыни. Когда динозавры оживают
Все хотят все сразу получить. Из-за этого происходили пе-

ревероты и революции.

Теперь по порядку. Сначала про зерефов (ведь не могут революционеры сами систему перевернуть. Им нужны помощники)

Основной соблазн для зерефов — это перебежка с левого края на правый край. Зерефы создают иерархию, зерефы страдают от иерархии, зерефы, короче, тоже хотят власти. Но что такое власть, они не понимают, но чувствуют. Они знают про иерархию отлично. Они все созрели.

Если рабам дать выбирать, почему они мечтали бы выбрать себе господ

(Мечта рабов: базар, на котором можно купить себе господина (с)). Еще хуже — они сами хотят мечтать. Самые впечатлительные и наглые сами хотят доминировать. (В последнее время это объясняет всплеск национализма, например. Причем, националистами становятся самые невежественные, самые темные, самые грубые провинциалы. Остальные смотрят на самых активных и тоже хотят кричать) Национализм превратился в тренд и моду.

Национализм превратился в тренд и моду не случайно.

Это, как раз, та самая линейка левое — правое, когда толпы бывших мелких консерваторов (людей, в любой мере придерживающихся традиционных обрядов и заветов предков) хотят перебежать слева на право и заявить о своей избранности. Каждый как бы заявляет я — господин, а вместе мы — новые господа! Эфир наполняется криками мы — вы-

ше всех. Мы выше, мы выше...

Бессмысленно суваться в эту среду в момент экстаза освобождения (от равенства). Середины здесь нет. (Потому что у зерефов нет полутонов. В современных условиях скромные и послушные в прошлом зерефы звереют прямо на глазах). Вот так вот деньги служат катализатором внезапной эволюции. Вместо одного чингисхана, как происходило в прошлом, теперь появляются толпы таких вот мелких чингисханчиков. Рынок и деньги произвели на свет сотни тысяч внезапно амбициозных людей (в 20 веке только в Европе, в развитых странах, в 21 веке теперь уже по всему миру. У этого явления есть одно общее)

Самое важное здесь, что чингисханчики создаются сверху с помощью пропаганды.

Мы не должны забывать, что альтернатива власти создается двумя системами — кандидатами, — республикой и военной демократией. Кандидаты от республики приходят, после долгого мира — мы это знаем, — когда население не знало большой войны. Тогда это более похоже на изменение верхушки — верхушечный переворот.

Что происходит перед потенциальным парламентом.

Власть меняет знамена на дворце. Появляется новый семейный герб, — так был в прошлом, так происходили сейчас. Рынок, деньги пришли к консервативным людям. Кроме интересов семьи и кланов они ничего не знают. А мы уже знаем, что верхушечные изменения, то есть когда на мази

парламентская республика — это замена власти в узком кругу условной аристократии (здесь уже партократии).

Узкий «монархический» или феодальный круг сообщает нам, что отрицательная селекция снова происходит только наверху (среди чиновников).

Но так было раньше, до 21 века. Когда только аристократия решала, какой очередной дурачок (он же мальчик) будет править (вернее, будет изображать правление при полном удовольствии других кандидатов). Сейчас совсем по другому.

Вместе с тем, приглашение поправить страной вместе со всеми, что всегда сопровождает появление республики в виде лозунгов и звуков, запускает и широкий круг военной демократии. Зерефам и любым традиционным общинам больше подходит вообще то социализм, но они от него отказываются тут сознательно. Стратегия отменяется. Потому что нет катарсиса. Потому что нет войны, когда зерефы не боятся лгать, изворачиваться, когда зерефы молятся небесам, что бы великий вождь или отважный герой их спас. (Только в форс мажоре, только на краю, только от безысходности зерефы подчиняются героям и молятся небесам. Во всех остальных случаях зерефы стоят на линейке левый — правый и подчиняются эволюции деградации. Значит ли это, что социальная эволюция — это всегда деградация? Да, именно так. И когда приходит рынок, они уже все бегут направо с криками «мы выше всех». Это обычная тактика снизу при

деградации снизу.

Так запускается большой круг деградации, или падения культуры, отбора в систему двух типов — сверх послушных, исполнительных и сверх крикливых, но тоже послушных любителей денег. Иметь деньги, большие -малые, любые — это престижно. Деньги стали доступными всем. При деньгах можно сразу стать уважаемым человеком.

Теперь вся система вертится сразу двумя кругами отрицательного отбора — парламентским, чиновничьим, потому что так называемые парламентарии тоже чиновники и эрзацем военной демократии в виде крикунов националистов — подчиняется большим деньгам, которые и дали власть новым элитам и возможности крикунам. Они про это знают. Какая система и какой лагерь надежно спонтанно обеспечили ситуацию. Потому отклонения от системной деградации нет и не будет до самого конца. Одни будут изображать власть, другие везде кричать. И снова — ради денег, ради личной выгоды и бизнеса. Это бизнес, только бизнес, ничего личного.

ПС.

Националисты как кричали, так и продолжают. Это при том, что USAD временно прикрыли. Конечно некоторые агенты USAID будут дальше агитировать, чтобы не потерять сытное место. Но крики всех провинциалов, со всех уголков Третьего мира — это совершенно другое. Никому не интересно, что северный вождь спас народы (пусть вольно — невольно, но так получилось, потому что сильный субъект —

государство вышло из аферы — игры). Кого жгут кислотные комплексы? Эти комплексы сильнее страха умереть, тем более, что Ковид аферы уже нет, опасность миновала. А комплексы жгут сильнее. Они так жгут, что им хочется перебежать направо хотя бы в... социальных сетях — хотя бы пять минут, хотя бы одну минуту чувствовать превосходство.

ПСС. Когда мужчин ловят на улице, ломают и кидают в бус, они кричат спасите — помогите. Эти парни, или те будущие воины, которых скоро переоденут в армейскую форму беспомощные и слабые в этот момент. Иногда их спасают, отбивают у людоловов женщины, матери, жены. Затем, через время, уже в армейской форме, уже в коллективе солдат они кричат совсем другое. Они также хорошо воюют и серьезно сопротивляются, проявляют упорство и не сдаются. Что случилось? Они перебежали в коллективе слева направо и почувствовали силу?

Глава 7

Националисты проиграют

*А свобода — суть отравы, Вольтерьянство
наносное. Человек имеет право, И это право —
крепостное! (с)*

Слабые, очень не идеальные моменту правители рождены кознями людей, как малых групп аристократии, так и массой повинующихся семейной традиции, — большими толпами, когда люди бьют по рукам умников и изобретателей.

Люди не просто не любят умных. Они не любят талантливых. Они не любят задевающих самолюбие в самых укромных его местах, — они не любят прозорливых, оттого что это укромные места в каждом, тайны личности, как им кажется, становятся заметны всем.

Оттого люди редко мстят богатым, — только завидуют, совершенно никогда открыто протестуют; иногда, соглашались на красивых, на красоту противоположенного пола, даже ищут, чтобы наблюдать ее на необитаемом острове — где нет соперников; но терпеть не могут прозорливых, которые как будто буравят взглядом, выворачивают внутренности, даже если не смотрят, просто присутствуют рядом, —

раздражают и бесят. (Никто это бешенство не показывает, а ждет момент отомстить внутренним ядом)

В данном случае люди разговаривают сами с собой, точнее со своим самолюбием.

Чтобы люди не встречались со своим самолюбием, должны быть отвлекающие факторы

Бытовые проблемы, переживания неразделенной любви, предательства близких или- очень важно — животный страх. Только тогда это самолюбие будет думать вместе с человеком, как жить, как выжить, а не мстить. Ему будет некогда кому то вредить. В этот самый момент отвлечения самолюбия от поиска врага, выигрывает не только обреченный обществом, но и общество, государство, империя.

Хотя никто не можешь защитить империю от самих людей.

Когда никто не знает и не видит, люди незаметно мстят и гадят друг другу, хотя и проживают совместно. Но проживание не в счет. «Кто первый — я или ты? Кто умнее — я или он?»

«Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, — ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!»

Итак

Чем больше людей будет думать, как выжить, тем больше шансов для пророков.

Это условие — мировая революция

Любой локальный кризис, экономический форс мажор, вызванный природной стихией кризис, вызовут лишь локальный же патриотизм — пробуждение самых голодных патриотов (националистов всяких, и прочей развитой правой исключительности. «Мой народ страдает, а он не должен страдать, потому что мой народ лучше всех. Потому что я лучше всех». Вот как это можно назвать. Но до бизнеса, до 21 века. Одинаковое изречение, одинаковые мысли за 2000 лет не изменилось. Хотя в 21 веке национализм — это откровенный бизнес, потому что все происходит в мире глобальных денег. Страдает народ, который не имеет денег в мире денег. Современные националисты тоже бизнесмены, но они это не знают из-за узости).

Теперь исторические примеры

Начнем, пожалуй, с иудейских войн. (Оттого что Иисус Христос пришел к евреям, а не к парфянам. Противостояние Рима и Парфии нельзя назвать мировой войной с позиции Новейшего времени. Но это было глобальное противостояние для своего времени).

Иудейские войны уже начались. Евреи имели опыт борьбы с селевкидами. Но к приходу пророка только готовились бунтовать против римлян. Обращение пророка пропустили мимо ушей (и до сих пор его не признают). Зато вся Иудея

заполнялась заговорщиками сикариями. Ощущали ли евреи страх? Конечно ощущали. Но это был племенной еврейский страх племенной же еврейской исключительности. Другие люди в этом страхе отсутствовали в качестве субъекта. Этот Иисус Христос пришел к мировому субъекту, — к рабам разной национальности. Мировая идея присутствовала в рабстве. Чтобы затем получить развитие, что каждый человек имеет право, а не один египетский фараон. Кстати, в Египте тоже были рабы. Но ни египтяне, ни греки, ни парфяне, ни римляне в общем не были готовы к мировой революции. Для мировой революции не годятся локальные войны и локальные же патриоты зерефы.

Оттого что евреи остались сражались за свободу в праве исключительности, они проиграли битву Риму.

Проигрыш Рима. Страх смерти зерефов

С 4 века началось Великое переселение народов — мировая зерефная пертурбация.

Зерефная петля — это вынужденное нападение на соседей из-за локального бедствия. (По Мальтусу это быстрый рост населения и нехватка ресурсов). В такие моменты у народов появляются сильные лидеры, настоящие вожди. Сама природа вынуждает умерить амбиции родне, жрецам, старцам — они выбирают героя, умеряя внутреннюю гордыню. Без войны — опасности эти люди прогнали бы Аттилу как новгородцы прогнали Александра Невского. Когда нет опасности, нет и страха. Тогда все решалось в узком кругу. Ес-

ли же народ почувствует не ладное, тогда элита дрожит. Хан Младшего жуза Абулхаир хан победил джунгар, но его не выбрали ханом всех казахов. Казахская элиты мгновенно перестала бояться нового нападения. Нужно было гнуть всех казахов по -чингисхановски. Но что не сделано, то не сделано).

Ханыцы истребляли племя хунну. Часть хунну сбежало на запад. Смешалось с финно -уграми и аланами, потому что от ханьцев сбежали только мужчины хунны. За двести лет появился новый народ гунны. И погнал уже германцев на запад. В 410 году германское племя (вестготов. Одни говорят, что это западные готы потому вестготы, это основная версия, другие говорят, что визиги — *visi* с германского означает крещенные, оттого они якобы мстили за распятие) взяли «Вечный город».

К моменту захвата Рима римское общество представляло собой жалкое зрелище. Римляне были настолько жалкими господами мира, что от варваров их защищали те же варвары, которым они платили. (Иными словами уже Рим вел гибридную войну. Это показывает рефажную эволюцию, чем рефажная петля завершается. В современной Европе ситуацию одинаковая. Есть много президентов и лидеров, но нет диких мужчин. Европа нуждается в солдатах).

Римские грабли

В 454 году император Валентиниан III из зависти убил знаменитого полководца Аэция, после чего Рим был захвачен вторично вандалами. Аэций остановил великого Атилу

на Катуланских полях. В 408 году император Гонорий убил лучшего полководца Стилихона, а в 410 году Аларих взял и разграбил Рим первый раз, — римские грабли. И Гонорий и Валентиниан были «мальчиками», вступили на трон в малолетстве при регентах, Гонорий при Стилихоне, Валентиниан при Аэции. Мальчики умертвили своих регентов, чтобы показать власть. Эта демонстрация закончилась плохо для Рима два раза, что бы в 476 Рим исчез как символ империи.

Для чего этот римский пример?

Чтобы показать. Когда весь мир консервативен, народы соблюдают традицию, мировая идея невозможна. Только под влиянием стихии мир традиции оживает. И получается хаос, пока система снова не уравновесится и все будут снова довольные.

Когда зерёфы голодные, они недовольные. Когда сытые, они добрые.

Только интернационализация вызывает к жизни мировой дух.

И война вызывает этот дух, ибо повелевает большим размером и площадями — спонтанным страхом смерти (Во всех других случаях страха возможен только локальный успех патриотизма — национализма. А националисты берут верх временно, всегда и везде, потому что верят в своих локальных богов. Евреям это не помогло 2000 лет назад. Они прозедали мировую революцию. Римляне могли оседлать мировую идею, но они любили себя и не стали христианами во-

время. Это либералы своего времени. Византия временно оседлала мировую христианскую идею. Но только оседлала ее в практических целях. Оттого продержалась значительно дольше римских либералов Запада)

Мировая идея и мировая революция позволяет держаться долго, оттого что противостоит людской ревности и недоброжелательства малого и большого круга. При зерефах и мировой ситуации происходит огромный выброс негатива из всех ячеек, но результат будет половинчатый (СССР 1917 -1991).

Если империя состоит из одних крестьян, даже при революционерах зерефы будут думать о своем... огороде. Самое большое произведение традиции — это бунт «бессмысленны и беспощадный», то есть минимально организованный, но энергичный.

Глава 8

Талантливые люди всегда беспокойные

Леваки (конечно же) хотят за перестроить старые схемы.

Следовательно, все левые превращаются в революционеров, это на самом деле революционеры, которые разбирают систему, оттого что кто то ее создает, — это правые. Правые (или условно правые) всегда позор создают (исторический эволюционный позор).

Правые воссоздают иерархию. Сначала незаметную, затем все более отчетливую и, наконец, совершенно жесткую. Как создается любая субординация трудно проследить, этот процесс растянут по времени: иногда иерархия создается быстро, это из-за привычки, если когда община уже привыкла к дисциплине, например, в родовом коллективе. Для более сложных систем, где новые фигуры пирамиды подчинения ложатся на старые привычки и новые запросы, — требуются целые века привыкания.

Твердые иерархии всегда очевидны на Востоке. Что хвост этих общин весит на пропасть в веках, уже никого не волнует. Когда эти народы привыкли к диктатуре — автократии,

никому не интересно

Одно можно сказать точно.

Что за время формирования твердых иерархий, замкнутых систем, всегда идет отрицательный отбор: это такой некачественный отбор. Он идет с самого начала государства.

В тоже время растет и сопротивление: уже внутри узкого круга элиты есть оппозиция (эта оппозиция не обязательно левая, коммунистическая, она может быть и монархической фрондой, просто так легче понимать условность левизны). Извиняюсь за сравнение, это как в любом организме живут сапрофиты. Если режим подбирает угодливых, безынициативных чиновников, всегда есть люди презирующие подобных людей. Любая оппозиция будет в этом смысле левая, но не сапрофитная- паразитарная, просто революционеры сначала штучный материал, их совсем немного в начале пути, их мало, они маленькие, затем параллельное течение превращается в самостоятельный орган — в поток, в реку — это уже партия, это когда революционеров хватает перевернуть судно.

Оттого что все органы системы будут правыми, что туда набрали родственников, протеже и прочих бездарей, на момент переворота или даже революции такого контингента набирается под самую завязку, что уже не вмогуту: «верхи не знают, как править а низы не хотят так жить». Если во власти одни бездари и приспособленцы, новая жизнь начинается в оппозиции, это как в эволюции, без сопротивления, привле-

чения талантливых систему не победить.

Похоже, что левые заняты поиском бунтарей и революционеров. Формальное сходство и условный поиск, но левое — это всегда новое — надо помнить. Революционеры не обязательно все умные, но неуместные, не любимые. Этот самый поиск является основной функцией, потому что таланты условно нелюбимы среди простых людей. Пусть условно, но это так. Ведь сначала дерзких и непослушных не любят их отцы, затем в традиционной общине вешают ярлыки, сторонятся общаться, наконец наверху таких наказывают по серьезному (если конечно неформалы доживают до суда). Не все революционеры осознают путь революции. Многие оказываются лишь на пороге бытового бунта. Это не их вина. Просто система еще не сформировалась для обозначения ее последнего греха. А последний грех, это, как раз то, из-за чего и затевался разговор.

Последний грех, это когда бездарен сам предводитель или конус пирамиды, конечник иерархии. Потому что нижестоящие делают тоже самое — подбирают себе подобных. Свои лицом и сущностью он подводит черту под всем консервативным миром.

Итак

Все, что считается левым, занимается поиском независимых изгоев (лучше умных). Оттого что все системы попадают под власть и под контроль. И сверху, и снизу не любят выскочек одинаково.

Все, кто получают выгоду от статуса кво называются правыми

Все те, кто заявляет о любом превосходстве, являются правыми в душе.

Все те, кто имея превосходства в душе, видя и зная про свое превосходство, прежде всего в знаниях, в кругозоре, занимающиеся поиском подобных же, гонимых консервативной толпой талантов — это левые. Левая без масштаба, без глобализма — это не левая.

Если бунт и революцию не сопровождает глобальная идея, она всегда переворачивается в воздухе и становится правой — начинает формироваться иерархия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.